

Вера Тетрук

УЛЫБКА
ВЕДЬМЫ

Вера Петрук

Улыбка Ведьмы

«Автор»

2026

Петрук В. А.

Улыбка Ведьмы / В. А. Петрук — «Автор», 2026

По приказу королевы, Уилла, ведьма с редким темным даром, возвращается в родной город, чтобы помочь следствию. Кто-то уже год убивает детей-сирот из городского приюта. Убийца должен быть найден к Новому году, иначе головы полетят уже у следователей. У Уиллы хватает проблем. В родном городе она изгой. Бывший жених, а ныне главный следователь, мешает во всем, а новый королевский надзиратель не спускает с нее глаз. Но главный ее враг – время, утекающее сквозь пальцы. Ведь Уилла до сих пор не присягнула на верность Темному хозяину. И, чтобы не стать его рабой, ей нужен поступок, спасающий черную душу. А еще ее зовет совесть, которая шепчет, что даже у ведьмы может быть человеческое сердце, требующее искупления и любви.

© Петрук В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вера Петрук

Улыбка Ведьмы

Глава 1

Едва поезд нырнул в последний тоннель перед Пусторечьем, как Уилла почувствовала: беды не миновать. Дурные знаки преследовали девушку с перрона, но апогей случился спустя два дня, когда пшеничные поля Клестера, щедро укутанные снежным покрывалом, уже заглядывали в окно купе. Всего пара часов, и она будет дома.

Уилла тщетно пыталась отыскать в сердце хотя бы крупину радости, ведь она не была в Клестере почти семь лет, однако в душу заглядывали лишь тоска и тревога. Ни приближающийся праздник – до Нового года оставалось меньше месяца, ни новогодние настроения других пассажиров, не могли избавить ее от тяжелого предчувствия. Хорошо, что улыбок от нее никто не ждал. Она была темноликой, ведьмой с черным даром, которой не повезло получить метку на обоих висках. Там были нарисованы звезды: с левой стороны черная, с правой – белая. Умники из Исправительной гимназии, в которой Уилла, как ей самой казалось, провела половину жизни, считали, что, когда ведьма «исправится», черная звезда станет белой. Уилле повезло, и ее отпустили до окончания срока, который для большинство «попавшихся» грозил превратиться в пожизненное заключение. Насколько она знала, черная звезда еще ни у кого из меченых темноликих в белую не превратилась.

Вчера Уилле исполнилось двадцать пять – вся жизнь впереди. Она возвращалась домой, но на сердце было тяжело так, будто на нем висел весь груз человеческих грехов. И вовсе не из-за улыбки. Темноликим запрещалось сводить татуировки с висков и... улыбаться. Королевские надзиратели, присматривающие за черными ведьмами, тщательно следили, чтобы закон не нарушался. За первую улыбку полагался штраф – довольно крупный, но за вторую – публичная порка, чего Уилла даже в кошмаре не могла представить.

Поэтому, когда вчера в вагоне-ресторане малыш за соседним столиком усердно корчил ей гримасы и улыбался от уха до уха, Уилле приходилось насуплено тарашиться в тарелку и стараться не поднимать глаз. Впрочем, тяжело было только в первый год, на седьмой же ей казалось, что мышцы лица, отвечающие за улыбку, не смогут повиноваться, даже если она захочет. Подумаешь, улыбка. Раньше таких, как Уилла, сжигали. Стоило порадоваться, что в королевстве наступили цивилизованные времена. По крайней мере, все усиленно делали вид, что сейчас именно такое время.

Всю дорогу Уилла путешествовала одна, но сосед в купе у нее все-таки появился. И, как она и предчувствовала, те несколько часов, что оставались до прибытия в Клестер, он сумел окончательно испортить. Этого пассажира подобрали вчера ночью, когда поезд вдруг остановился в неизвестной глуши. Стояли долго, минут тридцать, но слухи пошли сразу – приняли кого-то важного, ведь ради него остановились не на станции, а такие остановки были запрещены.

К Уилле он заявился не сразу, и девушка до последнего надеялась, что обошлось, но, когда проезжали Горчишные поля, маленькую деревушку под Клестером, дверь купе распахнулась, и на пороге возникла мужская фигура, затянутая в строгий темно-синий костюм надзирателя. Какое-то время они молча тарашились друг на друга. Она – на форму, сулившую неприятности, он – на ее распущенные волосы, которыми Уилла прикрывала звезды на висках. Бестолку – такие парни, как этот, учуют ее на другом конце мира.

Свою неприязнь она не скрывала. Уж кто, а королевский надзиратель в Клестере ей точно был не нужен. Уилла имела богатый опыт общения с такими людьми и твердо знала: все они мерзавцы, причем, многие из них весьма хороши собой. На эту службу отбирали самых отменных и обязательно негодяев. Тот, что застрял в дверях купе, был именно такой – симпатичный, молодой, ладно скроенный во всех отношениях, с пороком в глазах. Темно-синяя форма надзирателя весьма шла к его пышным волосам цвета дикого меда, а свежему оттенку лица могла позавидовать любая модница. Уилла, выросшая под морским солнцем портового Клестера, уж точно не могла с ним соперничать – ни один крем не выбелил бы ее кожу до такого оттенка, как у этого парня. Сколько ему? С виду – ровесник, но надзиратели любили молодиться, поэтому, скорее всего, около тридцати. В плечах уже раздался, руки накачанные, но талия тонкая и шея еще не бычья. Уилла невольно прикинула, какой у него рост – метр девяносто, не меньше. Цепкий взгляд темных глаз притягивал внимание так же, как и фигура. Неудивительно, если этот парень считал себя центром мира. Уилла решила, что ненавидит его уже только за внешность.

Ей в этом плане похвастаться было нечем. Темноликие обычно рождались яркими, как звезды в безлунную ночь, но на Уилле природа отдохнула. Так говорила ей мать, и эти слова прилипли к Уилле, став словно вторым штампом в паспорте – рядом с меткой о том, что она темноликая. Все ведьмы, с которыми Уилла познакомилась в гимназии, были светложими, но общество упрямо называло их «темноликими». Болтали, что слово понравилось королю, который с легкой руки повелел называть так всех черных ведьм, вредящих людям. Однако Уилла редко встречала ведьм, которые умели пакостить, прибегая к помощи сверхъестественного дара. К меньшинству принадлежала она сама, но о своих темных талантах девушка помалкивала и за все годы учебы в гимназии умудрилась ничем себя не выдать.

По большей части Уилла была довольна своей непримечательной внешностью. Она помогала ей быть незаметной. За исключением тех случаев, когда ей встречались такие красавчики, как этот. В такие моменты она особенно остро ощущала свою «неполноценность».

– Вроде и не дурнушка, но, куда ни глянешь, и везде чего-то не хватает, – сетовала мать на внешность своей пятой дочери – отнюдь не последней. – Нос коротковат, глаза крупноватые, подбородок мелковат, лоб большой, волосы ни то ни се. Вся ты у меня какая-то серая, блеклая, как мышь после зимы.

При ее росте в метр пятьдесят два Уилла была обречена оставаться в тени своих красивых сестер, потом одноклассниц, затем... Затем, о ее темном даре стало известно, и она уехала в гимназию учиться на повара-кондитера, потому что, согласно королевскому указу, все темноликие должны были получить полезную для общества профессию. И плевать, что Уилла любила книги и историю и мечтала стать археологом.

В гимназии затеряться у нее не получилось – опять же из-за внешности. На фоне красивых, как на подбор, молодых черных ведьм, блеклая «как мышь после зимы» Уилла выделялась – и заплатила за это своей долей унижения и боли, однако учеба осталась позади и грозила являться разве что в кошмарах. Но с ними девушка справляться умела. Зато, выйдя за ворота гимназии и оказавшись среди обычных подданных, она быстро сумела вернуть потерянное преимущество. В толпе простых смертных Уилла была незаметна, и ей это нравилось. До тех пор, пока на ее пути не оказывались такие типы, как этот.

Надзиратель в жизни черной ведьмы присутствовал с момента, как ее доставляли в гимназию и... до смерти. Погребение темноликих проводили именно надзиратели, да и кладбища у них были отдельные. Уилла надеялась, что старый надзиратель Клестера еще жив. В свое время он доставил ей немало неприятностей, но Крumpсона она хотя бы знала. Однако появление симпатичного парня в ее поезде говорило только об одном: Крumpсона все-таки забрали черти, а в Клестер направили нового надзирателя.

А так как Уилла была единственной темноликой во всей истории этого крохотного провинциального городка, можно было не сомневаться: все внимание молодого надзирателя будет

принадлежать ей. Неизвестно за какие промашки его отправили в такую дыру, как Клестер, но Уилла точно знала, что он будет из кожи вон лезть, чтобы заслужить повышение. И она – лишь ступень в его карьере.

Королевский надзиратель наконец вошел в купе и, плотно закрыв за собой дверь, устроился напротив Уиллы, закинув ногу за ногу.

«Сейчас начнется», – мрачно подумала девушка, одергивая себя, чтобы не повторить его позу. Она тоже любила так сидеть.

– Покажите документы и звезды, – начал парень с традиционной фразы всех надзирателей. Уилла подумала, что дорога уже все равно испорчена, а, судя по его лицу, она ему с первого взгляда не понравилась. Одним словом, терять было нечего, и Уилла решила быть вредной.

– И вам доброго дня, сударь, – сухо произнесла она. – С кем имею честь вести беседу? И мне так же хотелось бы взглянуть на ваше удостоверение.

Какое-то время они мерились взглядами, и Уилле уже казалось, что сейчас ей влепят пощечину – рукоприкладство у надзирателей всегда было в ходу, однако парень решил не усугублять ситуацию и первым вытащил синюю корочку. Потом не очень вежливо сунул документ ей в лицо. Уилле пришлось отодвинуться, чтобы рассмотреть написанное, но сдаваться она не собиралась. Нарочито медленно девушка потянулась к своей сумочке, долго в ней копалась, потом извлекла... нет, не свои документы, а очки, которые на самом деле были ей не нужны, но Уилле казалось, что они придают ей солидности, когда приходилось общаться с официальными лицами. Нацепив на нос линзы в тонкой оправе, Уилла принялась изучать содержание документа.

«Его Королевского Величества Офицер Первого Ранга Надзиратель Исар...»

Дальше прочесть она не успела, так как корочка захлопнулась. Парень с сердитым видом убрал ее в карман.

– Простите, я не разобрала, как мне к вам обращаться. Покажите, пожалуйста, еще раз.

Наверное, Уилла все-таки перестаралась, потому что у королевского надзирателя покраснело лицо:

– Для вас я господин Исар, и этого достаточно, – отрезал он, а потом сделал то, чего Уилла не ожидала даже от очень плохого королевского надзирателя. По крайней мере, не в первые минуты встречи.

Ее схватили за горло и повалили на сиденье. Надзиратель Исар двигался так быстро, что она даже не заметила, как он оказался рядом, а его колено – на ее груди. Уиллу будто печатным прессом придавили.

– Назови хоть одну причину быть с тобой вежливым, ведьма, – прошипел он ей в лицо. Сердце Уиллы пропустило удар. Надо же, а предчувствие не обмануло.

Дождаться ответа надзиратель не стал и откинул волосы с ее висков. Удостоверившись, что белая звезда не скрывает под собой черную, он протянул руку и принялся по-хозяйски шарить в ее сумочке. Сама Уилла таких ведьм не встречала, но болтали, что у тех темноликих, что сбегали из гимназии, белая звезда, которую наносили всем первокурсницам, становилась черной. И, таким образом, у беглянок появлялись две черные звезды. Бред, конечно, потому что те немногие ведьмы, что решались на побег, немедленно сводили татуировки, и, по слухам, вполне успешно, но проверка звезд у всех темноликих была любимой привычкой надзирателей, и расставаться с ней они не собирались.

Глядя, как из сумки на пол купе полетели ее косметичка, блокнот, тощий кошелек и недоеденный бутерброд, завернутый в бумагу, Уилла подумала, что иной раз лучше все-таки прикусить язык. Косметичка издала жалобный треск, когда на нее наступил сапог надзирателя, но хотя бы колено с ее груди исчезло. Уилла попыталась сесть, однако ее тут же толкнули обратно.

– С этого момента любое твоё движение, ведьма, только с моего разрешения, – процедил Исар, придирчиво листая самый главный документ любой темноликой – паспорт со штампом досрочного окончания Исправительной гимназии. Не найдя к чему прицепиться, он швырнул паспорт на сиденье рядом с ней, а сам вернулся на место напротив. Усевшись, надзиратель принял ту же позу – нога за ногу, при этом закрыл глаза ладонью, будто его раздражал свет.

«Из всех сумасшедших на службе короля мне достался самый сумасшедший», – грустно подумала Уилла.

– Можно мне...

– Нельзя, – прервал её Исар. – Помолчите.

Взвесив все «за» и «против», Уилла решила, что в данной ситуации лучше беспрекословно слушаться, поэтому осталась лежать, пялясь в потолок.

– Теперь можете подняться, – наконец произнес надзиратель и уставился на неё тяжелым взглядом. Уилла в кои то веки пожалела, что не знала ни одного действующего заговора от сглаза. И то, что он перешел снова на «вы», хорошо или плохо?

– Рассказывайте, – махнул рукой в её сторону Исар. – Зачем направляетесь в Клестер, как долго собираетесь там оставаться, и что планируете делать. Подробности можно опустить. По прибытии я затребую с вас детальный письменный отчет.

По сути, его вопросы не имели смысла, потому что ответы ему были хорошо известны. После окончания гимназии темноликие возвращались в город или деревню, где родились, и обязаны были какое-то время там работать. Однако свой урок Уилла получила и валяться на сиденье, придавленная чужим коленом, не желала. К тому же ей до слез было жалко коробочки с тенями и пудрой, которые были раздавлены Исаром. Она везла их в подарок сестрам.

– В Клестере проживают мои родители, шесть сестер и два брата, – вежливо произнесла Уилла, сделав вид, будто ничего не произошло. Держать лицо – одно из немногих полезных навыков, которые она приобрела в гимназии.

– Я собираюсь поселиться в родительском доме, а позже, когда пойду работу, снимать отдельную комнату. Меня обучили полезной профессии хлебопека-кондитера. В Клестере есть несколько пекарен, и одна из них согласна взять меня на испытательный срок. Я буду счастлива печь хлеб для жителей города и прожить праведную жизнь до глубокой старости.

То было вранье, причем двойное. Ни одна пекарня не взяла бы её на работу. Узнай люди, что хлеб для них выпекает темноликая – и не важно, что одна звезда у неё белая, и заведение, принявшее её на работу, быстро стало бы банкротом. О её возвращении, никто, кроме матери, не знал, хотя Уилла подозревала, что слухи уже поползли. Ну, и к тому же она не собиралась жить в Клестере до глубокой старости. Как и вообще задерживать надолго в этом городе. На то были причины, о которых надзирателю никогда не узнать.

По лицу Исара было неясно, доволен ли он ответом или нет. Он надолго замолчал, а Уилла опустила глаза на свои наручные часы, надеясь, что подсматривает время незаметно. Она больше не собиралась давать ни одного повода этому негодяю. Однако до прибытия оставалось ещё полтора часа, и это не обнадеживало. Может, ему все-таки наскучит её компания? Уилла умела быть скучной.

– Что вам известно о болезни, от которой якобы умерли двенадцать детей из городского приюта Святого Кавы? – наконец спросил Исар. Уилла сразу поняла, куда он клонит. Ключевым словом в его вопросе было «якобы».

Дело получило громкую огласку и долетело даже до столицы. Болезнь – то была провинциальная версия, тогда как многие столичные газеты, проводившие, в том числе, собственные независимые расследования, давно и уверенно писали про «клестеровского маньяка». Дети умирали в течение года – по одному каждый месяц, и подозрительных моментов, начиная с того, как они умирали, и заканчивая конкретным местом – приютом, было предостаточно.

Уилла осторожно кивнула. Ей не понравилось, что надзиратель затронул эту тему. Ведь смерти сирот стали причиной, по которой она ехала в Клестер. И об этой причине не должен был знать никто.

– Я скорблю вместе с жителями всего Маридонского королевства, – осторожно ответила она. – Болезнь или дело рук злоумышленника – это чудовищная потеря. К сожалению, я не обладаю достаточной компетенцией, чтобы судить о случившейся трагедии. И верю, что наши следователи с присущим им профессионализмом скоро разберутся в ситуации.

Она не перегнула с официозом? Уилла чувствовала, что начинает болеть голова – так случалось всякий раз, когда она слишком долго не проводила свой «ритуал», и сила начинала на нее давить. Уилла три дня провела в поезде и, несмотря на то что ей выделили отдельное купе, уединиться по-настоящему возможности не было. Перегородки в вагоне походили на картонные, она слышала все звуки соседей слева и справа. Проводить «ритуал» беззвучно Уилла не научилась, и можно было только представить, как всполошились бы все пассажиры, услышав ее крики.

– Я уверен, что это не болезнь, – тем временем, ответил Исар, зачем-то решив поделиться со мной своим мнением. – Так же, как уверен, что будут новые жертвы. И если бы вы вернулись в город чуть раньше, я бы не сомневался, что это ваших рук дело. Вы ведь давно не были в Клестере, и о многом не знаете. Теперь в городе таких, как вы, много. Слышали о Ведьмином Круге? Мой предшественник, господин Крумпстер, прискорбно скончавшийся месяц назад, уделял ему слишком мало внимания, но я собираюсь исправить ситуацию.

Уилла едва слышно перевела дух, надеясь, что внезапная радость не отразилась на ее лице. Нет, о подобном сборище она не слышала, но появление какого-то там Ведьминого Круга в Клестере ее не удивило. Хорошо, что надзиратель Исар будет тратить свое внимание не только на нее. Может, он и старался выслужиться перед руководством, но времена давно уже были не те.

Пять лет назад король женился в третий раз. Новая королева любила мистику, а король в супруге души не чаял. Соответственно, гонения на ведьм в королевстве ослабли, и как результат сократилось королевское финансирование разных надзорных служб. В частности, поползли слухи о закрытии Исправительной гимназии для черных ведьм, и то, что Уиллу выпустили досрочно, уже никого не удивляло. Многих отпускали. Однако на местах, в дальних регионах, вроде Клестера, еще сохранялись пережитки прежних настроений. Провинции всегда отставали от столицы примерно на полгода или год. Уилла очень надеялась, что разгуляться в городе у нового надзирателя не получится, а через какое-то время его либо отзовут, либо переведут в Полицейское управление на должность клерка, как, по слухам, поступили со многими надзирателями в столице.

Надо ждать, а быть терпеливой Уилла уже научилась.

Она не знала, что ответить на его откровения, поэтому промолчала. Возможно, то было к лучшему, ведь по глазам Исара было понятно, что он ждал малейшего повода, чтобы прицепиться.

Еще через секунду Уилле наконец повезло, потому что дверь распахнулась, и в купе просунулось... нет, не лицо. То была в прямом смысле настоящая морда какого-то разожравшегося верзилы. Чтобы протиснуться в вагон, ему приходилось буквально сгибаться в три погибели. Высокий Исар со своим почти двухметровым ростом, должно быть, едва доставал незнакомцу до груди.

– Вы скоро, господин? – пробасил вошедший. – Чай стынет.

– Мой помощник Уолч, – зачем-то представил великана Исар. – Уже иду. А вас, госпожа Бендиар, жду в своей конторе завтра в восемь утра. Потом я уеду к губернатору, поэтому не опаздывайте. Приготовьте отчет, о котором я говорил, а также расписание ваших действий и перемещений на неделю.

Пытаясь скрыть негодование, Уилла молча наблюдала, как Исар выходит из купе, пока верзила Уолч придерживал тяжелую дверь едва ли не одним пальцем. Интересно, зачем ему такой солидный телохранитель? Кажется, в городе он еще не успел ничего натворить, и врагов, кроме нее, у него пока не появилось. Разве что за ним тянулся шлейф старых... Надо будет обязательно выяснить, откуда принесли этого Исара злые ветра.

Когда он оглянулся, Уилла перепугалась, что Исар передумал пить чай и решил остаться в ее купе до прибытия. Но он, оказывается, захотел быть вежливым:

– С Новым годом, госпожа Бендиар. И до встречи.

Когда до самого любимого праздника королевства оставался месяц, все жители по несколько раз на день поздравляли друг друга с Новым годом. Фраза становилась такой же расхожей, как «спасибо» или «привет». Но из уст Исара поздравления прозвучали проклятием.

Уилла не смогла выдавить из себя ответную вежливость. Впрочем, Исар ее и не ждал, громко захлопнув за собой дверь. Она с тяжелым сердцем уставилась в окно.

Появление Исара могло быть только к беде. И хотя Уилла уже решила, что первым делом ей необходимо все узнать про нового надзирателя Клестера, сейчас ее заинтересовал кое-кто другой. Она всегда держала свой дар в узде, тщательно контролируя и немедленно пресекая его попытки вырваться на свободу, но Уилла уже достаточно изучила свои способности, чтобы не сомневаться в том, что нашептывал внутренний голос.

Этот верзила Уолч, возможно, и служил помощником Исара, но человеком он однозначно не был. Вернее, живым человеком. Пару минут назад к ней в купе заглядывал настоящий труп – мертвец, оживленный чьей-то злой волей.

И тут становилось совсем любопытно. Если Исар знал, кто ему служит, мог ли он быть настоящим надзирателем, служителем добра, которые в своей компании вряд ли потерпели бы подобную нечисть? А, если не знал, то его враги подобрались куда ближе, чем он думал. И в таком случае его назначение в провинциальный Клестер было не изгнанием за ошибки и провинности, а бегством от опасных противников, с которыми он столкнулся на прежнем месте работы.

Уилла еще не решила, какой вариант выгоднее лично ей, но поняла, что с Исаром нужно разобраться как можно скорее. Либо найти его врагов, либо разоблачить лже-надзирателя прежде, чем он успел сунуть нос в ее дела.

Глава 2

В Клестер поезд прибыл к обеду. С трудом протолкавшись сквозь возбужденную вокзальную толпу, Уилла, наконец, вышла на главную площадь, которая примыкала к железнодорожным путям. Впереди возвышалась башня городской ратуши, которая одновременно служила и часовой колокольной, а вокруг площади простирался центральный парк, все елки которого традиционно украсили фонариками.

Как и другие жители Маридонии, клестеровцы украшали свой город за несколько месяцев до главного праздника. Прибывших гостей и жителей Клестера встречали ледяные фигуры сказочных персонажей в два человеческих роста, лавки с леденцами и пряниками, гирлянды с цветными флажками, растянутые между уличными фонарями, детский городок с горками всех размеров и большой каток. А вот с елкой губернатор запаздывал, потому что рабочие еще только сустились у постамента, на котором должно было возвышаться главное новогоднее украшение.

Уилла взглянула на серое небо – пахло скорым снегом. В ушах еще стоял неприятный разговор с Исаром, но, очутившись на городских улицах, девушка постепенно проникалась важностью происходящего. Она дома. Спустя семь лет в город вернулась совсем другая Уилла, но вот изменился ли сам Клестер? На первый взгляд – нет. Девушке показалось, что она даже узнала ту же лавочницу, что всегда продавала пирожки с капустой у привокзальной лестницы.

Прохожие торопились закончить последние дела уходящего года, дети в восторге кричали на горках, школьники толпились у катка, явно пропустив последний урок, свободные извозчики размахивали желтыми флажками, пытаясь привлечь внимание прохожих.

Все – то же самое, и в то же время чувствовались незримые перемены: в одежде, во взглядах, в настроениях. Одни постарели, другие выросли, третьи осознались, а четвертые, вроде как, не изменились, но вынуждены были приспосабливаться под новые условия. Ведь в королевстве Маридония появилась новая королева – Тильда Первая, которая была дамой активной и увлекающийся. А так как король потакал жене во всем, нововведения внедрялись быстрыми темпами. Уилла заметила, что клестеровские модницы так же отдавали предпочтение лиловому цвету, как и столичные красотки, а рядом с вокзалом открылись несколько чайных. Тильда Первая обожала лиловый цвет и чай и за ней повторяла вся страна.

Пройдя вдоль ярмарочных рядов, Уилла изумленно остановилась возле домика с большим окном-витриной, за прилавком которого скучала ярко накрашенная дама средних лет, закутанная в черное пальто с воротником из лисы. На вывеске было немудрено обозначено: «Гадалка». А вот и изменения, которые коснулись лично Уиллу. С первых дней правления Тильда Первая окружила себя ведьмами, колдуньями и прочими одаренными якобы «сверхъестественными» талантами. Нападки на эзотерику в стране прекратились, и даже церковь Санкофа помалкивала, хотя ее служители-надзиратели еще и портили некоторым жизнь – в данный момент конкретно Уилле. Интересно, как Исар отнесется к подобного рода услугам? Либо у местной служительницы гадательного культа имелось прикрытие на уровне губернатора, либо бывший надзиратель Крумпсон, действительно, плохо выполнял свои обязанности, потому его и убрали. Несмотря на общее смягчение общественных настроений, подобных лавок с гадалками Уилла даже в столице не видела.

– Подходи, милая, знаю, что тебя терзает, – тем временем, поманила ее гадалка. – По глазам вижу, что твое сердце болит.

У Уиллы болела голова, потому что она три дня тряслась в поезде, не уделяя внимания дару. Подобное игнорирование было чревато последствиями, поэтому она заторопилась.

– На сердце рана, – крикнула ей вслед женщина в черном. – Устанешь страдать, приходи. Подскажу, что сделать надо.

– Да пошла ты, – отругнулась Уилла и, стряхнув наваждение – ей на миг показалось, что вместо гадалки сидит ее покойная бабка, быстро зашагала по направлению к Тополиной улице. Мать, наверное, ее заждалась, ведь поезд опоздал – Уилла должна была прибыть еще утром.

Родительская квартира, расположившаяся в центральном подъезде небольшого двухэтажного дома с остроконечной крышей, ностальгических чувств не вызвала. Какое-то время Уилла стояла у маленькой наряженной елочки, которую установили на крыльце на радость прохожим, и принималась к ароматам, вылетающим из открытой форточки.

Подняв голову, она увидела, что на трубе вытяжки опять устроили гнездо сойки. На зиму их никто не гнал, и кухонные запахи расплзались по всей улице. Впрочем, вряд ли кто-то мог быть недовольным. Вдохнуть в мороз и стужу запах горячего какао и свежей выпечки – дорогого стоит. А еще Уилла надеялась услышать из открытого окна подсказку о том, какой прием ее ждет, но внутри дома царила тишина.

Поймав себя на мысли, что боится встречи с матерью больше, чем еще одного столкновения с Исаром, Уилла попыталась утихомирить разыгравшуюся трусость, но провал был предсказуем. Так она и поднялась по ступенькам, внутренне содрогаясь от дурного предчувствия, которое в последнее время тревожило слишком часто.

Дверь открыл отец, но вспыхнувшая радость тут же погасла, встретив его недоумевающий взгляд:

– О, это не она, – разочарованно сказал отец кому-то в квартире. – Девушка, вы кто?

Уилла вздохнула. Сам ходит – и то хорошо. Болел отец давно, и от Мари, старшей из сестер, которая изредка ей писала, Уилла знала, что болезнь затронула память, и отец забывал порой даже собственное имя. Но сердце, конечно, кольнуло.

– Привет, пап, – сказала она, постаравшись спрятать горечь поглубже. – Я Уилла, твоя пятая дочь. Вернулась сегодня из Кронбурга, поезд задержался.

– Пятая дочь? Из Кронбурга? – лицо отца сморщилось, будто необходимость вспоминать причиняла ему страдания. – Роза, тут одна девушка, говорит, что она из Кронбурга.

– Гони в шею этих уличных шарлатанов, – раздался из кухни голос матери. – Совсем обнаглели, уже по квартирам ходят лишь бы что продать, попрошайки несчастные.

– Мам, это я, – крикнула Уилла и, встретившись с напряженным взглядом отца, выдавила из себя улыбку.

– Да кто там? – в коридоре послышались торопливые шаги, и за отцом показалась мать. Роза Бендиар, как всегда, выглядела великолепно. Годы над ней не властвовали. Тщательно окрашенные волосы, умело подобранный макияж, подтянутая фигура, строгое платье благородного бордового цвета, украшенное филигранным кружевом. Разве что глаза погрустнели, но, возможно, это выражение появилось из-за Уиллы.

– Это ты, – протянула Роза Бендиар, не в силах скрыть разочарование.

– Поезд задержался, – повторила Уилла. В присутствии матери ей всегда хотелось оправдываться. Надо было сказать что-то еще, но в горле образовался ком. Мать вытерла мокрые руки об изящный кружевной фартук и спрятала их за спиной. Отец, потеряв интерес к происходящему, отошел к окну, привлеченный узором на гардинах.

– Уилла... – в голосе Розы Бендиар звучало напряжение, которое она и не пыталась прятать. – Извини, дорогая, неловко получилось, но мы ждали твою сестру, Клеменцию. Она на шестом месяце и сегодня приезжает с мужем в город со своей фермы. Хотят пожить у нас, ближе к врачам, беременность идет трудно. Мы не хотим рисковать. У тебя же есть деньги? Можешь снять комнату на время? У Клеменции уже однажды был выкидыш, и мы все стараемся, чтобы ее ничто не расстраивало. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Вот и второе дурное предчувствие себя оправдало. Да, у Уиллы были деньги, но она почему-то поверила, что ее ждут дома. Обманываться всегда легко.

– Конечно, – кивнула она в спину матери. Та, развернувшись, торопливо уходила из гостиной в сторону кухни. Уилла растерянно поморгала, не зная, что делать. Вроде бы, дверь перед ней не захлопнули, но и сказано было достаточно, чтобы ложных надежд на теплый прием не испытывать. Где-то в глубине души Уилла знала, что случится нечто подобное, поэтому сильного шока не испытала.

А, с другой стороны, она любила своих сестер и вместе со всей семьей переживала за Клеменцию. Возможно, в словах матери звучала истина. Беременная под одной крышей с черной ведьмой – плохое соседство. И дело даже было не в темном даре Уиллы Бендиар, который она хоть и научилась сдерживать, но с трудом и не без осечек. Причина была в злых языках, которые однажды выдали Уиллу королевским служителям, и которые вряд ли оставят ее в покое и сейчас. Она к ним была готова, а вот Клеменция, нежная и впечатлительная натура, нет. Мать была права: ничто не должно тревожить сестру.

К тому же Уиллу давно ждало дело, ради которого она прибыла в Клестер, и все знаки указывали на то, что ей следовало поторопиться. Жизнь в родительском доме была такой же иллюзией, как и то, что Уиллу тепло примут в Клестере. Она еще с главными змеями не встречалась. А встреча обещала быть неизбежной.

– Ладно, пока, пап, – сказала она себе, потому что внимание отца полностью поглотила улица. Из соседнего подъезда выбежали дети лепить снеговиков.

Уилла была уже на крыльце, когда ее окликнули.

– Вот, держи, – раскрасневшаяся то ли от бега, то ли от кухонного жара мать сунула ей бумажный пакет с масляными пятнами на коричневых боках. Из пакета восхитительно пахло домашними пирожками с мясом. – Перекуси, хорошо? Ты меня извини, что чаем не напоила, но твоя сестра бывает такой истеричкой, что я не знаю уже, что и придумать.

Роза Бендиар вдруг взяла дочь за локоть и зашептала на самое ухо:

– Ты ведь в большом городе даром времени не теряла, верно? Поднаторела в бабьинем ремесле, это точно, мать не обманешь. Может, подберешь какие травки для сестры, чтобы она дите доносила? Я никому не расскажу, ты ж меня знаешь.

Уилла с трудом удержала тяжкий вздох. И мать туда же. Уж кто, а Роза Бендиар знала, чем ее дочь занималась в Исправительной гимназии. Уилла там училась печь хлеб, а темный дар, доставшийся от бабки Саргул, по-прежнему считала проклятием. Плохо, если мать с Клеменцией, отчаявшись, пойдут к кому-нибудь, вроде той «гадалки» у вокзала. Поэтому девушка улыбнулась и кивнула.

– Я что-нибудь придумаю, пусть сестра не волнуется.

Сама же подумала, что, похоже, научилась не только хорошо обманывать себя, но и неплохо вводить в заблуждение других. Ромашка сестре точно не повредит, а мать хотя бы сэкономит деньги.

– А что с Крумпсоном случилось? – спросила Уилла, решив воспользоваться редким расположением матери. Обычно Роза Бендиар разговорчивостью не отличалась.

– Ой, да спился он, вот его обратно в Кронбург и отправили. Говорят, нового пришлют, да ты не волнуйся, мы своих не выдаем.

И, подмигнув, мать исчезла в доме, захлопнув дверь. Однажды Уилла что-то похожее уже слышала.

Перехватив пакет с пирожками поудобнее, она посмотрела на часы. До встречи с Чодой оставалось меньше часа, и Уилла заторопилась. Что ж, придется встречаться с директором приюта Святого Кавы в дорожном платье и с пирожками. Уилла незаметно для себя перешла к плану В, пропустив Б. Искать съемную квартиру она не станет. С ее прошлым и репутацией – дело заведомо гиблое.

С Чодой Скобесски они вместе училась, но в отличие от других одноклассниц отношения у них сохранились и после школы. Сойтись им помогли те самые злые языки. Если Уиллу осуждали за темный дар, то сплетни вокруг Чоды громоздились из-за богатства ее семьи. Отец Чоды был капитаном дальнего плавания, мать – герцогиней, брат – губернатором соседнего города, а второй брат – генералом. Только с мужем вышла осечка, потому что Мальвар был человеком из ниоткуда в прямом смысле слова. Чода познакомилась с ним в поезде во время кругосветного путешествия и вышла замуж через неделю. Уилла даже фамилию этого Мальвара не знала, потому что он взял фамилию жены. Во всех отношениях тип был странный и подозрительный, и именно такие сейчас Уиллу интересовали.

Никто не удивился, когда год назад молодая Чода получила кресло директора городского приюта. Впрочем, Чода могла претендовать на любое кресло в городском управлении, однако, будучи натурой романтической и склонной к благотворительности, она решила посвятить свою жизнь детям-сиротам. Уилла так и не поняла, что случилось с предыдущим директором, потому что в тот момент была занята выживанием в Исправительной гимназии.

Однако факт был неопровержим. Загадочные смерти приютских детей – по одному в месяц, стали происходить, начиная с первого месяца, как приют оказался под управлением Чоды. Подруга страшно переживала по этому поводу и не раз с возмущением писала Уилле, что никакой загадочной болезни у нее в приюте нет, а бедных деток убивает чье-то злое сердце.

Однако официальное следствие осторожно придерживалось версии о болезни, потому что все дети умирали во сне – без насильственных признаков. То, что их тела выглядели так, будто смерть наступила во время кошмара, и породило версию о болезни. Детей хоронили в закрытых гробах – настолько ужасны были выражения их лиц, да и скрюченные судорогами тела не предназначались публичности.

Королевский судмедэксперт, вызванный в Клестер после третьего подобного случая, отмалчивался, зато голодные провинциальные врачи разных мастей и не всегда с официальными лицензиями не уставали «кормить» жадных репортеров слухами о таинственной болезни, вспыхивающей в Клестере раз в месяц. Кто у них только виноват ни был – и лесорубные компании, пробудившие в тайге древнее зло, наславшее на детей болезнь-проклятие, и мигранты-переселенцы из южных стран, страдавших от многолетней засухи, и, конечно, черные ведьмы, которых в городе за то время, что Уилла томила в своей гимназии, вдруг появилось слишком много. Правда, объяснить, почему умирают только дети из приюта, пока никто внятно не смог.

Все это Уилла знала из столичных газет, стойко придерживающихся своей версии – им нужен был маньяк. Впрочем, с некоторых пор детские смерти в Клестере привлекали внимание не только губернатора и репортеров, но и королевской семьи.

Причиной же была железная дорога. Королевство Маридония развивалось, а строительство железных дорог было любимым занятием короля Рудольфа Седьмого. Будучи уже в преклонном возрасте, он горел двумя целями: заделать ребенка молодой королеве и проложить железную дорогу к южному порту – Мефису. Если препятствием первой цели служил возраст короля, то со второй королевские инженеры справлялись более-менее благополучно, хотя тут трудности вызывал природный ландшафт королевства – горы и обилие рек. В Клестере пока лишь проводились геологические изыскания, однако королю не нравилась криминальная огласка города, ведь в его планах поселение должно было стать крупным перевалочным пунктом Большого Каменного тракта – главной торговой дороги королевства.

В последние месяцы некоторые врачи особенно напирала на плохой воздух вблизи железных дорог – мол, он может быть причиной странных и неизвестных ранее болезней. Подобный ветер дул со стороны оппозиционной партии во главе с королевским братом, графом Гором, который был больше заинтересован в морской торговле с западными странами и владел крупным грузовым флотом, который, по слухам, простаивал. Так или иначе внимание обществен-

ности сейчас было приковано к Клестеру и, вероятно, новый надзиратель Исар был лишь первой засланной пташкой. Уилла была уверена, что следом в город придут и новые следователи, потому что работа предыдущих, очевидно, короля не устраивала.

В деле приютских смертей должна была поставлена точка – и как можно скорее.

Глава 3

Уже в кафе Уилла почувствовала, что времени у нее немного. Темный дар настойчиво требовал уделить ему внимание, и Уилле хотелось пустить кому-нибудь кровь. Напряжение нарастало, внутри головы будто надувался воздушный шар. Она заняла столик подальше от окон и входа, но на нее все равно оборачивались. Слухи о том, что в Клестер вернулась темноликая Уилла расползались быстро.

Чода выбрала для встречи новую кондитерскую, которую построили уже после отъезда Уиллы. Двухэтажное здание из «модного» красного кирпича пряталось как раз за городской ратушей. Можно было не торопиться – Чода опаздывала. Уилла отправила ей последнее письмо прямо с поезда, получив в ответ телеграмму на одной из станций. Вечно занятая и очень деловая подруга заверяла, что встреча в силе. Насчет их дружбы у Уиллы давно появились сомнения, но разбираться в отношениях у нее не было сил, а у Чоды, очевидно, отсутствовало желание что-либо менять вообще. Так они и общались – вроде, по-дружески, а с другой стороны, ни один most через отделявшую их пропасть больше не строился.

– Мама, там ведьма, – пролепетала одна девочка, тыкая в голову Уиллы. Наверное, звезду заметила. Уилла взъерошила волосы, закрывая ведьмовские знаки, и показала девочке язык.

Раньше она детям всегда улыбалась, но закон пока не отменили, поэтому теперь приходилось ухищряться. Между тем, темный голос звучал в ее голове уже достаточно громко – не замечать его не удавалось.

Чтобы случайно не сглазить девчонку, Уилла торопливо опустила взгляд в чашку чая. Мамаша тоже хороша. Вместо того, чтобы пересест за столик подальше от ведьмы или загорodить собой дочь, она принялась разглядывать Уиллу с неподдельным интересом. Девушка уже знала, что значат такие взгляды, потому что успела встретиться с ними и в поезде. Все хотели решить свои проблемы подешевле, полегче, побыстрее, а силы тьмы обладали в этой области безупречной репутацией.

Правда, то, чем заканчивались подобные обращения, люди предпочитали забывать. Они всегда теряли – деньги, время, а в худших случаях – здоровье и жизнь. Но чаще всего расставались с материальными благами, потому что обычно под темноликими прятались обычные шарлатаны. Однако Уилла знавала парочку настоящих ведьм, принявших и познавших свой темный дар, и зареклась иметь с ними хоть какие-либо дела. Темный дар был злом, и добра от него ждать не приходилось. Лично Уилле он пока доставил только беды и хлопоты.

В конце концов она сама пересела, поднявшись на второй этаж и выйдя на террасу, откуда открывался вид на центральную площадь Клестера. Там толпилось чуть больше людей, чем днем. Открылось больше лавок, да и на катке под разноцветными фонариками кататься было веселее. С неба слегка поросил снег, а так как стоял безветренный тихий вечер, мороз почти не кусал, и находиться на свежем воздухе было приятно.

Уилла заметила Чоду еще издали, и настроение немного испортилось. Подруга шла к кафе не одна, а под руку с мужчиной. Неужели мужа своего привела знакомиться? От этой встречи зависело слишком много в планах Уиллы, и лишние люди могли помешать.

– Душенька, дорогая, как же я рада! – закричала Чода, прижимаясь к щеке Уилле своей щекой и обдавая ее изысканным ароматом с нотками ландыша и пиона. Высокая, тощая Чода была на голову выше своей темноликой подруги, а естественные краски – черные густые волосы, яркие глаза, похожие на агаты, свежий румянец и красные по природе губы, еще больше выделяли ее из толпы. Уилла порадовалась, что поднялась на второй этаж, где ее и нашла Чода с мужем. Людей здесь не было, и никто на них не оглядывался.

– Мальвар, – протянул руку блондин среднего роста и довольного плотного телосложения. У мужа Чоды было одутловатое лицо с тяжелыми веками, большой выдающийся нос с горбинкой и упрямо поджатые губы. Он уже начинал лысеть, а под сюртуком наметилось брюшко, скорее всего, пивное. Уилла искренне старалась не показать своего изумления. Она слышала, что муж Чоды – далеко не красавец, но вот то, что у них имелась еще и разница в возрасте лет в десять, заметила только сейчас. Интересно, чем он ее очаровал? Учитывая семейные связи Чоды и немалое приданое, на ее руку всегда имелось много претендентов. И вот – первый встречный из поезда.

Уилла решила не терять времени зря и бросилась в омут с головой. Ей нужна была любая информация, а когда темный дар брал за горло, Уилла забывала о вежливости.

– Кем вы работали до встречи и брака с Чодой? – прямо спросила она Мальвара, когда они заняли столик у окна и сделали заказ. От Уиллы не укрылось, что больше всех заказал Мальвар. Вероятно, брюшко его было вовсе не пивным, как она решила вначале, а вызвано увлечением сладким. Если Уилла с Чодой ограничились чаем и легким фруктовым салатом со сливками, то Мальвар стесняться не стал, выбрав три пирожных и сладкий молочный коктейль. Уилла наблюдала за выражением его лица, когда он просматривал меню – в нем читалась неприкрытая жадность.

– Что? – спросил Мальвар, оторвавшись от разглядывания коктейльной карты. Одного напитка ему было явно мало. Чода, похоже, привыкшая к поведению мужа, уже открыла рот, чтобы прийти ему на помощь с неудобным вопросом, но Уилла подняла руку, останавливая ее.

– Простите мое любопытство, но ваше лицо кажется мне знакомым. А где вы учились?

– Я... – Мальвар растерянно оглянулся на жену и, обменявшись с ней взглядом, выдавил:

– Натуралист и путешественник. Правда, за границей бывать не приходилось, я изучаю природу Марионии.

Уилла подняла бровь. Она бы тоже хотела изучать кузнечиков Долины Васильков и гордо заявлять об этом при встрече, но, похоже, большего добиться не получится.

– Ну, что ты пристала к человеку, – заступилась за мужа Чода. – Он у меня скромный. Мальвар раньше преподавал биологию и географию в старших классах, а потом мы решили, что он больше нужен мне в приюте. Рук совсем не хватает.

– Секретарь?

– Помощник, – Чода нахмурилась, и Уилла поняла, что перегнула палку.

«Нечего с ними церемониться, – нашептывал в голове противный голос. – Он жир-дядь-обжора, а она чопорная, заносчивая сука».

– Наверное, тяжело сейчас с этим следствием, – вздохнула Уилла, с трудом заткнув тем-ноликий дар. – Даже не представляю, каково тебе. Простите за резкость. Я просто не ожидала, что вы придете вдвоем. Я рада с вами познакомиться, Мальвар.

Муж Чоды оставил свое мнение при себе, уткнувшись в тарелку с десертом, а вот Чода сразу растаяла. Она всегда была падка на лесть. Уилле не нравилось пользоваться ее слабостью, но многое зависело от сегодняшнего разговора.

– Да я просто замучилась от постоянных комиссий и проверок! – всплеснула руками Чода. – Ты еще не видела Дэйна? Он у меня поселился, будто его присутствие может избавить нас от зла.

Уилла постаралась не измениться в лице при упоминании Дэйна. Она знала, что бывший жених не уехал из Клестера, хотя девушка до последнего надеялась, что его повысят и он переедет в соседний Харбор, город крупнее и развитее – как раз под стать амбициям Дэйна. Но, похоже, выше начальника полицейского управления Клестера ему уже не прыгнуть. Жаль. Встретаться с ним Уилле совсем не хотелось, но придется.

– В столице все только и говорят про маньяка из Клестера, – нарочито грустно вздохнула Уилла, зная, что Чода среагирует моментально. Так и случилось.

– Да не в маньяке дело, не верь столичным сплетням! Когда я говорю зло, я имею в виду Зло, – Чода слегка повысила голос на последнем слове. – Чертовщина, дьявольщина – все что угодно, но только не маньяк. И ты мне очень нужна, потому что наш Ведьмин Круг, кажется, ни на что не годится. Да и чего ждать, когда в нем собрались одни слабачки. Ты нам нужна, дорогая Уилла. Когда я получила весть, что ты возвращаешься, то сразу поняла – это знак. Ни у кого нет такого сильного дара, как у тебя, дорогая. Ты за него пострадала, я знаю, но ты же нам и поможешь.

Уилла постаралась сохранить спокойствие.

– Мне нельзя колдовать, – попыталась прикрыться она законом. – Ты познакомилась с новым надзирателем? Я вот уже имела печальный опыт. Мерзкий тип.

– Исар-то? – искренне удивилась Чода. – Да он же душа! Прелестный мальчик и, между прочим, из знатного рода. Он приезжал к нам в прошлом году, подменял Крумпсона, когда тот заболел в первый раз. После его отъезда на каждом углу было слышно: «Исар Де Гранж то, Исар Де Гранж это». В общем, мы его ждали, он всему городу понравился. Заверяю тебя, Исар помехой не будет. Мы его как-то пригласили в наш Ведьмин Круг, было весело. Пили чай, смеялись, погадали ему, потом даже танцевали.

– Мы точно об одном и том же человеке говорим? – прищурилась Уилла.

– Да он, скорее всего, не выспался, вот и нагрубил, – улыбнулась Чода. – Или что он там еще сделал? Ты мне с поезда тоже лапочкой не кажешься, вижу по глазам, что устала. Мать тебя, кстати, как приняла?

– Как обычно, – буркнула Уилла, не желая говорить про семью. – А что за Ведьмин Круг? Впервые о нем слышу.

– О, это наш «Белый Совет Добрых Душ», – оживилась Чода. – Но для краткости мы зовем его Ведьминым кругом, потому что там все наши. Ну, в смысле, те, кто общаются с потусторонним миром. Тебя нам очень не хватает. Мы наш Совет год назад собрали, и с тех пор активно помогаем следствию.

Наверное, у Уиллы на лице отразилось удивление, потому что Чода тут же добавила:

– Ведьмин Круг возглавляет Бьянка, ну, ты ее знаешь. Она сейчас жена Дэйна. И он, конечно, к мнению супруги прислушивается. Тем более, что во время наших сеансов мы сумели узнать немало полезной информации, которую приобщили к делу. Я тебе позже расскажу, где поменьше ушей.

На втором этаже кафе они сидели одни, но Уилла не возражала. Она по-прежнему недоумевала, зачем Чода пригласила на встречу Мальвара. Мужчина расправился с тремя пирожными и забрал у супруги фруктовый салат. Кажется, у него имелось нешуточное пищевое расстройство.

Исар же оказался тем еще лицемером. Значит, с влиятельными городскими дамами, изображающими из себя ведьм, он пьет чай, а об Уиллу ноги вытирает? Причем в прямом смысле.

– Откуда он, этот Де Гранж? – спросила Уилла, но Чоду интересовало совсем другое.

– Да из столицы, откуда еще, – отмахнулась та. – Надзирателей сейчас по всей стране увольняют, только в провинциях должность оставили. Ты мне лучше вот что скажи. Тебе из городской пекарни ответили? Берут тебя на работу?

Уилла под столом согнула пальцы левой руки на удачу и со вздохом ответила:

– Занято у них все. Завтра к мельнику загляну. Может, у него какие вакансии имеются.

Чода откровенно обрадовалась и схватила ее за руку:

– Не нужно никуда ходить. Давай ко мне! Да, плачу меньше, чем в городской пекарне, но рук на кухне у нас не хватает, тем более что Квас, повар наш, увольняться собрался. Ты сразу не отказывайся, подумай, а завтра скажешь. Из-за этих смертей к нам никто идти не хочет. Одни сразу боятся, другие зла, но ты то с темными силами на короткой ноге, чего тебе-то бояться? Может, и нам поможешь с дьяволом разобраться...

Чода заискивающе на нее посмотрела, Уилла же постаралась не выдать радости от такого удачного стечения обстоятельств. А она еще ломала голову, как бы в приют проникнуть. Надежда на то, что Чода позовет ее к себе, теплилась, но слабо. Едва заметно выдохнув, Уилла осторожно кивнула:

– Хорошо, я тебе завтра скажу. Надо все обдумать.

Из кафе обе уходили в самом хорошем расположении духа. Разве что Мальвар никак не отреагировал. Садясь в повозку, он все еще жевал. Кажется, он подобрал что-то с соседнего столика, когда они прощались.

Уилла задумчиво проводила их взглядом и поежилась. Неприятное впечатление производил этот Мальвар. Такие типы обычно становятся главными подозреваемыми. У него на лице имелись все признаки психопатического расстройства.

Холодало. Что ж, половина сегодняшних задач сделана, осталась самая трудная – успокоить голос, который звал ее все настойчивее.

Когда Уилла вышла из кафе, уже совсем стемнело. Город блестел праздничными огнями и напоминал сказку, в которой есть место всему – и добру, и злу. Уилла не тешила себя иллюзиями, к какой стороне относится она сама. Другое дело, что свое зло ей пока удавалось контролировать. Пока. Если она срочно не найдет нужное место, Клестеру грозят еще одни неприятности.

Вокруг ничего подходящего не попадалось, потом Уилла обратила внимание на телегу с мусором, которая выкатилась из-за угла. Сонный извозчик бурчал что-то неразборчивое. Пахло объедками и кислым зловонием. Обычно Уиллу выручали дикие места – там всегда скапливалось достаточно природной агрессии, которая поглощала избыток ее темного дара. Впрочем, сама виновата. Можно было догадаться, что в Клестере она таких мест не найдет.

Девушка решительно завернула за угол. Взгляд сразу выхватил из темноты силуэт мусорных коробов. Некоторое время она выжидала, наблюдая, не зайдет ли кто еще в переулок, который оказался тупиковым. Но, похоже, никого в этот погожий зимний вечерок такие злчные места не интересовали. Преступность в Клестере уже несколько лет держалась на чрезвычайно низком уровне. Если не считать загадочные детские смерти в городском приюте Святого Кавы.

Вздыхнув, Уилла присела и решительно сунула руку в щель между стенкой дома и зловонным коробом. Она еще издали услышала оттуда подозрительные шуршание и возню. Пальцы девушки, однако ни с чем, кроме грязи, не встретились. Тогда Уилла замерла и положила ладонь на землю, стараясь ею не двигать. Не прошло и минуты, как по руке скользнул длинный хвост.

Подавив приступ омерзения – сколько Уилла ни проделывала подобный фокус, а привыкнуть никак не могла, она слегка пошевелила пальцами. Ничего. Крысы быстро освоились и вернулись к привычным делам, не обращая на нее внимания. Почувствовав, что замерзает, Уилла разозлилась и, схватив первого попавшегося грызуна, вытащила его за хвост из-за мусорки.

– Кусай давай, – не выдержала она, поднося вторую руку к пищавшей крысе.

Темный дар Уиллы был такой – злой, бескомпромиссный, жаждущий крови. Ее или других жертв. Уилла до сих пор не приняла его, отвергая зов и умудряясь успокаивать. То было ее личное изобретение, которое она держала в тайне. Правда, со временем требовались новые способы, так как к старым зов привыкал, переставая на них реагировать. А придумывать что-то новое становилось все труднее.

Темный дар был каким-то образом связан с природными силами – им же Уилла и отдавала часть его (и себя), когда чувствовала, что терпеть зов становилось трудно. Возможно, она понимала больше, если согласилась бы обучаться. Учителей, вернее, учительниц в ее жизни появилось уже как минимум двое. Родная бабка Саргул, от которой Уилле передался темный дар, не уставала являться в кошмарах, напоминая, что всегда ждет ее.

Еще одна темноликая – тоже пожилая, почти на грани смерти, встретила Уиллу уже в столице. Нет, не в королевской исправительной гимназии для ведьм. Как раз там похожих на себя Уилла не нашла. Ведьма встретила ее в одном из трущобных переулков, когда девушка пыталась утихомирить разгулявшуюся темную силу. Старуха преследовала ее до самой гимназии, повторяя то же, что и родная бабка во снах: стань моей ученицей! Согласиться легко, сразу бы исчезло столько проблем. Но Уилла родилась принципиальной. Однажды прочитав дневник родной бабули, она впечатлилась ее злодеяниями настолько, что твердо поклялась: свой дар она никогда не примет. На темную сторону силы Уилла не хотела.

Старуха из переулка преследовала ее еще долго, но Уилла все равно убежала и больше, к счастью, не встретила. Ту ведьму, что к старости не найдет себе ученицу, ждала мучительная смерть. Уилла знала, что, не пройдя обучения и не став ученицей «маститой» ведьмы с опытом, она лишь наполовину темноликая, но это ее не сильно расстраивало. Чаще всего девушка относилась к своему темному дару, как к увечью. Живут же люди без руки, ноги или там сумасшедшие, к примеру, вот и она жила со своей долей страдания.

Хорошо помогали волны, и в столице Уилла часто ходила в темноте к беспокойным водам Сотского Залива, простаивая в прибое по несколько часов, пока бушующая вокруг вода не уносила с собой накопившееся в ней зло. Но от Клестера до моря было далеко, и Уилла надеялась на леса, которые со всех сторон подступали к городу. Даже приближающаяся железная дорога пока была не в силах побороть таежную стихию, и Уилла решила, что в следующий раз – примерно через неделю, она отправится к деревьям. Они тоже неплохо помогали, но нужно было выбрать правильный участок леса – тот, в котором гуляли хищники, и мало бывали люди. На худой конец спасала темнота и твари в ней обитающие. Но обращаться к ним за помощью Уилла не любила.

Крыса не хотела ее кусать – чувствовала свою. Тогда Уилла, держа грызуницу за хвост, слегка стукнула ее о мусорный ящик. Потом еще раз – посильнее. И со вскриком разжала пальцы. Укус получился глубоким, кровь сразу залила рукав ее светлого плаща, и Уилла помянула чертей. Другой одежды у нее не было, а отстирать кровь с рукава будет нелегко. Приложив платок к ранке, она попыталась настроить мысли на нужный лад. Риск заражения, страх, боль – все это смешалось и принялось потихоньку вытягивать зло, которое разбушевало в Уилле настолько, что уже требовало немедленного удовлетворения. Укус уличной крысы был чреват какими угодно последствиями, но ничего умнее Уилла на тот момент не придумала. Нужно было действовать быстро. Позже, если все обойдется, она, конечно, будет себя ругать, но сейчас главное было то, что темный дар успокаивался, утихал, словно океан после шторма.

– Извини, дорогая, – пробормотала она крысе и положила на землю пару пирожков с мясом, которые передала ей мать. Третий пирожок Уилла сунула в рот. Вкусно. Не сравнить с фруктовым салатом из кафе, от водянистого привкуса которого она еще долго не избавится. Перевязав руку платком и натянув сверху перчатку, Уилла вытащила четвертый пирожок и, чувствуя неимоверное облегчение, отправилась в Детский парк, который находился недалеко от кафе, где она встречалась с Чодой. Там она собиралась приступить к следующему плану – ведь ей нужно было где-то переночевать.

Уилла искренне надеялась, что деревянный домик, который когда-то построил ее отец на высоком дубе, еще развлекает детишек. С холодом Чода справится, главное, чтобы домик ее дождался. Она не настолько выросла, чтобы в него не поместиться. Лучшего места для ночевки ей все равно не найти. Однако в отличие от плана с Чодой этот замысел осуществить не удалось.

У дороги в черной карете с гербом губернатора ее ждал Исар Де Гранж.

Глава 4

– Ваша мать сообщила, что вы решили остановиться на ночлег в другом месте, – сразу с напором набросился на нее надзиратель. – Мне хотелось бы знать почему.

Уже стемнело, и лица Уиллы видно не было, поэтому она позволила себе закатить глаза. Будь проклят тот день, когда появился на свет этот парень. Она тут же себя одернула. Хоть Уилла избавилась от части силы, да и насылать проклятия не умела, с такими «пожеланиями» стоило быть осторожней. Исар – просто вызов судьбы, который она преодолееет. Он всего лишь еще один надзиратель, каких в жизни Уиллы было много. Скорее всего, ее ждут очередные неприятности, но они – не болезненнее, чем укус крысы. Заживет.

Уилла приблизилась к карете и вежливо присела, как того требовал этикет. Исар себя вежливостью не утруждал, но она на него не равнялась.

– Я узнала, что в доме будет жить беременная сестра и решила не рисковать, – сказала Уилла почти правду. – У меня плохая репутация, да вы и сами это знаете.

– Вот именно, – кивнул своим мыслям Исар и неожиданно галантно открыл перед Уиллой дверку кареты. – Садитесь.

– Зачем? – сразу насторожилась девушка.

– Вы сами сказали: у вас плохая репутация. Мне будет спокойнее, если я буду знать, где вы и что делаете. Я снял для вас комнату в гостинице. Деньги отдадите, когда получится.

Уилла вспыхнула. Она ненавидела, когда ей делали одолжение.

– Вообще-то, у меня еще есть место для ночлега, а завтра я...

– А завтра вы отправляетесь на работу в городской детский приют, где и останетесь на некоторое время, – продолжил за нее Исар. – Я уже узнал.

Он все-таки усадил ее в карету, не совсем галантно толкнув на сиденье напротив, и крикнул кучеру:

– Трогай!

Какое-то время Уилла насуплено разглядывала надзирателя, который выглядел не таким бодрым, как в поезде. Под глазами залегли круги, взгляд потух, придавленный усталостью и чем-то еще. Она бы сказала горем, если бы речь шла не про королевского служителя. Этих, как правило, никакие беды не трогали. Интересно, что за дела, оставившие мрачный отпечаток на его лице, ему пришлось решать днем, и где мертвый слуга-телохранитель? Ходячий труп, который маскировался под живого, ее особенно интересовал.

– А вы времени не теряли, – девушка решила, что ради дела надо как-то смягчить их несложившиеся отношения, и может, даже попробовать их наладить. Если он сунул нос в приют, значит, сунет и дальше, а ей это совсем ни к чему.

– В приюте освободилось место на кухне, как раз по моей специальности. Не волнуйтесь, с детьми я иметь дел не буду, да и до выпечки хлеба вряд ли меня допустят. Скорее всего, останусь в помощниках – овощи резать, посуду мыть. Как и обещала, я буду вам обо всем докладывать. Если честно, я так устала, что мне хочется осесть где-нибудь на одном месте, и больше никуда не уезжать. К тому же скоро Новый год. Хорошо провести его в кругу близких.

Исар странно на нее покосился, а Уилла задумалась, не перестаралась ли она с откровениями.

– Я должен перед вами извиниться за свое поведение в поезде, – неожиданно сказал он. Уилла даже оглянулась по сторонам: не прячутся ли где новые неприятности?

– То, что произошло в купе, было недопустимо, – между тем, продолжил Исар Де Гранж, пряча глаза. – Я приношу перед вами извинения и заверяю, что такого не повторится. Однако я по-прежнему намерен не спускать с вас глаз. То, что я снял для вас комнату в гостинице, это

не любезность, а желание облегчить себе жизнь. Я знаю всех здешних «ведьм», – Исар сделал ударение на последнем слове, – вы же для меня новенькая, к тому же не очень-то на ведьму похожая. Поэтому первое время я буду несколько досаждать вас своим вниманием.

«Вдруг он и прям душка, как говорила Чода? – подумала Уилла. – Мало ли, какие неприятности у людей случаются. Например, у него мог быть нервный срыв и, в результате, такая вот уродливая сцена в поезде. Сейчас этот Исар будто другой человек».

– Хорошо, – осторожно кивнула она, все еще опасаясь подвоха. – Заверяю вас, что я намерена сотрудничать. И вдруг моя вторая звезда побелеет.

Некоторое время они ехали в молчании. Уилла заметила, что кучер сворачивает к Сосновой Аллее, довольно элитному району Клестера. Что ж, похоже, ночлег в трущобах, как она уже себе вообразила, ей не грозил. Когда вдали замаячила вывеска таверны «Пирог и капуста», которая всегда пользовалась хорошей репутацией у горожан и гостей города, но отличалась недешевыми ценами, Уилла задумалась, чем же расплачиваться с надзирателем Исаром. Деньги у нее имелись, но немного, и отдавать сразу половину не хотелось. Ладно, проблемы она будет решать по мере поступления.

– Вы правда думаете, что в смерти тех детишек виноваты ведьмы? – спросила Уилла, набравшись смелости. Вопрос был опасный, но, судя по тому, что Исар пребывал в добродушном настроении и даже извинился, риск казался оправданным.

– Я долго отсутствовала в городе, – тут же добавила она, опасаясь быть неправильно понятой. – Связи утеряны, и многих не знаю. Мне не хотелось бы попасть в дурную компанию.

– Разумное опасение, – согласился с ней Исар, и у Уиллы отлегло от сердца. Разговаривать с ним было все равно, что ходить по доскам с торчащими из них гвоздями. – Вас, наверное, пригласили в Ведьмин круг? Что ж, хочу заверить, что ничего, кроме, пожалуй, немного токсичного общения, вам там не грозит. Женщины скучают и развлекаются, как могут. На мой взгляд безопасно. Мы там всех проверили. В основном, туда ходят дамы из попечительского совета города и такие, как ваша знакомая Чода Скобесски. Пьют чай, раскладывают карты и развлекают друг друга страшилками. Пока это никому не навредило. Когда в поезде я сказал, что виню в смерти детей ведьм, то имел в виду, скорее, темные силы, в целом. Я не придерживаюсь версии о маньяке или о загадочной болезни, но и публичных заявлений делать не собираюсь. Мы все пристально наблюдаем за ситуацией. Я разговаривал с Дэйном Кармалем, который ведет следствие. У них до сих пор нет ни одной зацепки, одни лишь догадки, ничем не подтвержденные.

Исар слегка наклонился, пристально вглядываясь ей в лицо. Уилла насторожилась – не любила она такие взгляды.

– Буду с вами откровенным, – признался он. – Я в Клестере не из-за таких, как вы, Уилла Бендиар, а из-за убийств в детском приюте. Вам, наверное, известно, что орден надзирателей доживает последние дни, поэтому некоторым из нас предложили другую работу. В частности, мне. Я еще выполняю функции надзирателя, однако также работаю и на королевскую Канцелярию. Так сказать, собираю независимые данные о случившемся. И мне, конечно, нужны информаторы. Давайте договоримся. Вы будете рассказывать мне обо всем подозрительном, что заметите в приюте – даже о самых незначительных мелочах, я же не стану вас докучать со своим «надзирательством». Обещаю полностью забыть о ваших звездах и прошлом. Ну, как? Мы договоримся?

Так вот почему он изменил к ней отношение – из-за ее новой работы. Настроение почему-то испортилось, Уилле стало досадно. На какой-то миг она поверила, что среди надзирателей бывают исключения, и вот этот – хороший. Впрочем, ничего обременительного для себя в его просьбе она не заметила. Конечно, в ней содержался намек, что, откажись Уилла, и ее жизнь в Клестере превратится в ад из-за постоянных придиорок надзирателя, но отказываться она не собиралась.

Интересно, что Исар Де Гранж, который, как выяснилось, тайно работал на короля, винил в случившемся темные силы. Прямо, как Чода Скобески, но ей-то с ее мистическим сознанием простительно – она и в гороскоп верила. Последнее, что уточнила Чода, когда они расставались в кафе, так это то, под каким знаком зодиака родилась Уилла. Услышав ответ про «Тельца», Чода обрадовалась, потому что, например, «Скорпиона» она бы на работу не приняла. Однако было странно думать, что такие серьезные люди, которые, несомненно, работают в Тайной королевской канцелярии, могут верить в сверхъестественное.

До сих пор Уилла сталкивалась лишь с игрой и притворством. Никто из надзирателей всерьез не считал «ведьм», проходивших перевоспитание в Исправительной гимназии, настоящими служительницами тьмы. Как и большинство «ведьм», с которыми «перевоспитывалась» Уилла, были лишь умелыми актрисами, которые где-то оступились, в результате, угодив в ловушку – в гимназию, которая, по сути, была легкой формой тюрьмы для мошенниц.

Теперь взгляд Исара казался хитрым. Разумеется, он что-то задумал и «скормил» ей удобную ему ложь. Пусть так. Уилла не собиралась на него отвлекаться. Ей будет несложно придумывать для него разные небылицы про жизнь приюта и его обитателей – лишь бы не лез к ней со своим «надзирательством».

Расстались они почти друзьями. Исар еще говорил о чем-то с кучером, Уилла же поскорее побежала к таверне. Безобидный снег, начавшийся так красиво вечером, к ночи грозил перерасти в настоящую метель.

Хозяйку, очевидно, предупредили, потому что она сразу узнала Уиллу. В таверне сидело не очень много посетителей, но все они повернули головы вслед за девушкой, пока она поднималась на второй этаж вслед за тучной владелицей заведения. Разговоры стихли, и скрип лестницы был слышен даже сквозь завывания ветра. На улице разыгралась нешуточная метель.

– Я принесу ужин вам в комнату, – сказала хозяйка, отведя глаза. Уилла ее поняла. Владелица боялась, что прибывшая из столицы темноликая спустится вниз и затеет ссору с постояльцами. Если бы не просьба надзирателя, Уиллу в такое заведение вообще бы не пустили. Хозяйка явно тряслась за репутацию, поэтому девушка постаралась ее успокоить:

– Спасибо, – поблагодарила она. – Из комнаты выходить не собираюсь, оставлю вас рано утром. Если позволите, воспользуюсь дверью для прислуги.

Только так и получалось налаживать отношения с людьми. Хозяйка просияла, а Уилла теперь хотя бы была уверена, что в ужин ей не плюнут.

Растянувшись на кровати, она наконец позволила себе расслабиться. Завтра дел предстояло еще больше, но Уилла уже чувствовала себя опустошенной. Клестер забирал слишком много энергии, а ведь она еще даже с настоящими недругами не встречалась. К ним, например, точно относилась Бьянка – жена следователя Дэйна Кармаля и глава Ведьминого Круга.

На родных Уилла не обижалась. Получилось даже хорошо, что она не ночует дома. Как минимум половину неприятных расспросов удалось избежать. Что касалось тоски и ностальгии, то их не было. Уилла вдруг поняла, что не скучала по родному дому. Она пока не определилась хорошо это или плохо. Может, все от того, что она никогда Клестер родным не считала? Или давала о себе знать давняя обида, хотя Уилла считала, что с ней справилась.

Хозяйка, очевидно, решила идти путем задабривания нечисти, какой, вероятно, считала Уиллу, потому что к тушеному мясу и кувшину кислого молока с мятой добавила большой кусок свежего яблочного пирога. Уилла окинула взглядом предложенное угощение и остановила выбор на мясе. К рахлию – местному молочному напитку с пряностями она всегда относилась настороженно, а на сладости ее не тянуло из-за темного дара. Стоило сунуть в рот конфету или ложку варенья, и темная сила просыпалась мгновенно. Легче перетерпеть желание сладкого, чем потом ломать голову над тем, как успокоить разбушевавшуюся магию. А сладкое Уилла обожала, как и всякая ведьма.

Чтобы не искушаться пирогом весь вечер, Уилла открыла окно и положила кусок горячего лакомства на подоконник – духам зимы. Утром от него точно ничего не останется. Она уже собиралась забраться в ванную с ароматной горячей водой, которую любезно приготовила для нее хозяйка, когда ее взгляд привлекло едва заметное движение в снежной кутерьме, парившей снаружи. Праздничные огоньки и наряженные уличные фонари продолжали гореть сквозь метель, напоминая разноцветные звезды. Уилла была уверена, что мелькнувшая в снежных вихрях тень к огням не относится.

Дурное предчувствие накрыло внезапно. Темный дар предупреждал всегда, даже когда она его не просила. Уилла попыталась захлопнуть окно, но не успела – между створками протиснулись пальцы. Мертвая плоть, свисавшая с них лохмотьями, Уиллу не пугала. Страшило прошлое, которое тянулось вслед за непрошенным гостем.

– Я не пускаю тебя в свой дом, Дранч! – заявила она как можно официальнее, чтобы нечисть – на этот раз настоящая, не забывала о правилах. Конечно, она его узнала.

Смотритель городского кладбища по имени Дранч выглядел, как ходячий мертвец, и в отличие от других «живых мертвых», с которыми не посчастливилось встретиться Уилле, о своей распадающейся внешности совсем не заботился. А ведь, если верить ему самому, умер он молодым и красивым.

Уилла точно знала, что Дранч служил Темному повелителю Манаакану и за разные услуги, которые Хозяину всегда требовались, вполне мог выторговать себе пару заклинаний о распаде или что-нибудь в том же духе. Но Дранч предпочитал разлагаться. Может, у него имелись психологические проблемы, касающиеся его внешности при жизни, или ему просто нравилось докучать единственную из живых, кто мог его видеть, воню и омерзительным видом. Уилла в том разбираться не желала. Она надеялась, что за время ее отсутствия Дранч напоролся на какого-нибудь некроманта, который его, наконец, успокоил. Увы – ошиблась.

Кстати, смотрителем кладбища Дранч назначил себя сам – только потому, что других кандидатов не было. В Клестере мертвецы были на удивление спокойными, и, если бы не Дранч, Уилла так и не узнала бы о своей способности: видеть мертвых и общаться с ними. По сути, это было единственное, что она могла делать, не обращаясь к темному дару и тем самым не искушая Манаакана, который только и ждал, когда она ему присягнет.

– Уилли! – Дранч улыбнулся щербатым ртом, и девушка поморщилась. Передние зубы, которые она выбила ему во время их последней встречи, заменить новыми он не потрудился. Впрочем, говорил Дранч ясно и четко, используя злую магию Хозяина. Уилли не сомневалась, что за время ее отсутствия ее бывший друг – подумать только, они, действительно, когда-то дружили! – поднялся по карьерной лестнице Темного повелителя.

– Прибежал бы еще раньше, если бы ты от меня не пряталась, – хмыкнул Дранч. – Пусти или буду стоять и портить тебе отдых всю ночь. Ты же устала, наверное, с поезда, бедняжка. Не выспишься.

Уилли не знала, на чем он там снаружи «стоял» – казалось, что мертвец завис в воздухе, болтаясь за окном вместе со снежинками, однако поняла, что поспать ей точно не удастся. Об упрямстве Дранча она знала не понаслышке.

– Нам не о чем разговаривать, – нарочито грубо сказала она. – Но я дам тебе десять минут, чтобы извиниться.

Уилла распахнула створку окна и отвернулась, чтобы не смотреть, как Дранч перебирает своими сгнившими конечностями, забираясь внутрь. Впрочем, ее бывший приятель, похоже, был настроен миролюбиво, потому что, оказавшись в комнате, любезно превратился в крупного ворона, правда, с облезлым хвостом. То было единственное заклинание, которое он купил у Манаакана. Дранч использовал образ ворона, когда хотел казаться хорошеньким.

– Что было то было, – произнесла птица, усевшись на подоконник. Уилла покосилась на грязные следы от лап, но решила, что не станет тратить силы на препирательства с Дранчем.

Завтра был важный день. Завтра выяснится, как долго она застряла в Клестере. Уилла уже хотела уехать.

Взяв тарелку с рагу, Уилла принялась ковырять кусочки овощей, решив воздержаться от мяса. После матушкиных пирожков она чувствовала себя сытой, но хозяйка таверны точно обидеться, если ужин останется нетронутым.

– Я не стану делать скидку на то, что у тебя сгнили мозги, – сказала она Дранчу. – И мне плевать, что у тебя нет ни души, ни сердца, ни совести. Ты меня предал. А я не даю второго шанса предателям.

– Кто же знал, что так выйдет? – Дранч развел крылья в стороны. – Я ведь хотел, как лучше. И Дэйну я ничего не рассказывал. Но ты мне не веришь, да?

– Никто больше не мог ему рассказать, – жестко отрезала Уилла и отвернулась к двери, чтобы птица-мертвец не видел наворачнувшихся слез. Сколько времени прошло, а ей по-прежнему было больно, когда она вспоминала о тех днях.

С Дранчем она познакомилась еще в школе – до тех пор оживших мертвецов в Клестере не было, и до этой встречи Уилла не подозревала о своих способностях. Дранч никогда не рассказывал Уилле за что его проклинали, но она и не настаивала. Он пришел откуда-то из северных городов Пусторечья, самой отдаленной губернии королевства Маридония, а, когда понял, что Уилла его видит, решил остаться в Клестере, истосковавшись по общению. Дранч был безобидным призраком – так думала Уилла, пока он ее не подставил, в результате чего разрушилась ее жизнь.

И хотя Дранч клялся, что не виноват, Уилла не могла его простить.

Дело было в деньгах и касалось оно Дэйна Кармаля, ее бывшего жениха. О том, что Дэйн любил карты, Уилла узнала, когда однажды он забрался к ней в комнату пьяным и попросил его усыпить, чтобы он никогда больше не проснулся. К тому времени они встречались уже почти год, и перед обоими лежало перспективное будущее.

Дэйн устроился стажером в полицейский участок Клестера, а Уилла, окончив школу на отлично, собиралась поступать в Историческую академию Кронбурга, так как хотела стать археологом, а потом вернуться в Клестер и изучать древние городища, которые открыли в соседнем Харборе рядом с болотами. Дэйн всегда был против ее отъезда, и они часто ссорились, когда речь заходила об учебе Уиллы. Они поклялись ничего не скрывать друг от друга. Но если Уилла рассказала ему о своем темном даре, который лично она считала проклятием, то Дэйн о своей страсти к азартным играм умолчал.

В тот вечер он проиграл казенные деньги, очень крупную сумму, и, напившись, решил, что ему лучше умереть. С таким заявлением и пришел к Уилле, а на следующий день сказался больным и не пошел на работу, оставшись у невесты. Уилла злилась на Дэйна, но понимала, что злостью делу не поможешь – ему грозил трибунал. И тут вмешался Дранч, которому она, разумеется, все рассказала. Других друзей у темноликой Уиллы не было – так и получилось, что единственным другом стал оживший мертвец.

Дранч подсказал идею, которая Уилле понравилась.

– Ты же можешь с нами общаться, верно? – излагал он свой план. – Вот и поброди по кладбищу. Дэйн – местный, здесь вся его родня похоронена. Насколько я знаю, семейка у него всегда небедной была. Это сейчас они обнищали, но раньше Кармали и плантациями владели, и замками, и даже кораблями. Так вот. Многие мертвецы унесли свои денежные секретки в могилу. Я про клады и тайники разные с драгоценностями. Я не предлагаю беспокоить всех подряд, но родственников Дэйна точно поспрашивать можно. Наверняка в окрестностях Клестера что-нибудь да закопано. Дом у них тоже старинный, в застенках и подвалах много чего может быть спрятано.

Послушав Дранча и поразмыслив, Уилла с ним согласилась. Мертвым деньги ни к чему, а потомку пригодятся. Тогда она была молодой и неопытной и не знала, что использование

черной магии без наставника привлечет внимание Манаакана, у которого было много имен, но самое известное – дьявол. Впрочем, в Испытательной гимназии среди ведьм ходили слухи, что никакого дьявола нет, а есть всего лишь сильный демон, который прикрывался именем абсолютного зла.

Бабка, явившаяся к Уилле во сне еще в раннем детстве, сразу потребовала, чтобы она пришла к ней на могилу и приняла ее наставничество, но Уилла отказалась. И тогда, и сейчас девушка была тверда в своей вере – темный дар в душу она не пустит. Но случались в ее жизни моменты, когда Уилла себе лукавила и использовала те способности, которые не требовали специальных знаний. Например, разговаривала с мертвыми.

– Чуть-чуть не считается, – позже сказал ей Манаакан, явившись, как и все образы тьмы, в кошмаре. – Я жду тебя, Уилла. И терпения у меня мало.

С тех пор он так и ждал ее, а прошло уже больше семи лет с того дня, когда Уилла, следуя совету Дранча, разбудила мертвых предков своего жениха Дэйна Кармаля. Она надеялась, что сумеет обойтись простой просьбой, что кто-нибудь из умерших Кармалей захочет рассказать о кладе, спрятанном, например, под лестницей родового особняка, но Уилла ошиблась.

Мертвые Кармали ненавидели живых Кармалей. Времени оставалось немного, Дэйна уже искали, поэтому Уилла рискнула и надавила на мертвецов, используя темный дар. Выслушав откровения троих, она отправилась с Дранчем в указанное место у Пустой речки, где ее мертвый друг, любезно согласившийся копать, вырыл огромный сундук с монетами. Все сокровища Уилла решила не трогать, как не стала проверять тайники еще двух предков Кармалей, которых заставила выдать свои секреты. Отсчитав нужную сумму, Уилла велела Дранчу зарыть сундук в том же месте. Все сокровища мертвых были ей не нужны.

Для Дэйна пришлось сочинить сказку, потому что правду он бы не принял – так ей тогда казалось. Уилла придумала не очень убедительную ложь о том, что наткнулась на монеты во время купания. Мол, ныряла и случайно заметила блеск на дне. Как ни странно, но Дэйн был так счастлив, что цепляться к ее рассказу не стал. Лишь тщательно расспросил, в каком конкретно месте она купалась.

А вот дальше неприятности начались уже у самой Уиллы. Девушка забыла, что Дранч всегда служил Темному повелителю. И сразу после истории с предками Кармаля Дранч заявил, что она должна стать ученицей своей бабки – знаменитой черной ведьмы Саргул. Потом обязательно принести клятву верности Манаакану. Уилла поняла, что попала в ловушку темной братии, давно замышлявшей, как бы завлечь ее в свои сети. Тогда они поругались с Дранчем в первый раз. Дранч считал, что свое счастье она найдет, только став настоящей темнолицой, поэтому крепко обиделся за ее отказ. И чтобы не быть голословным, решил отомстить.

Бьянка Де Аргофф была одноклассницей Уиллы, а также дочерью губернатора Клестера. Не обладая никакими сверхъестественными талантами, Бьянка тем не менее увлекалась мистикой и регулярно проводила спиритические сеансы для подруг. Городской надзиратель Крумписон ее не трогал, потому что был по уши в долгах перед губернатором, да и просто трусливым парнем.

Однажды Дранч явился на такой сеанс Бьянки, устроив настоящий ажиотаж. Утробным голосом из ниоткуда он поведал обалдевшим «ведьмам» о том, что Уилла раскопала сокровища предков Кармаля и передала их жениху, чтобы тот расплатился с долгами.

Разумеется, никто ничего открыто не предъявил – не Уилле, не Дэйну, но по городу поползли слухи, и Дэйн Кармаль заволновался, потому что начальство стало задавать неудобные вопросы. Тогда Дэйн обвинил Уиллу, что она нарушает их собственную договоренность – говорить друг другу только правду. И Уилла, будучи молодой и наивной, все ему рассказала.

А на следующий день за ней явился надзиратель Крумписон и посадил в тюрьму, как темнолицую, которая раскрыла себя черным колдовством и навредила людям. Уилла никому не

вредила, но ее дело очень быстро обросло гадкими наговорами. Девушка не сомневалась, что, если бы детей-сирот убивали тогда, семь лет назад, в их смерти обвинили бы ее. Но в то время убийств в городе не происходило, и все, в чем могли обвинить Уиллу, так это в плохом самочувствии граждан и скверной погоде. Заболела соседка, умерла собака, отравился ребенок, ливень испортил городской праздник – во всем этом стала виновата Уилла.

Через неделю ее отправили в Исправительную гимназию Кронберга. Желание Уиллы учиться в столице сбылось, но вместо исторических процессов она изучала технологию выпечки хлеба и приготовления ванильного крема. В конце концов все в ее жизни сложилось не так уж и плохо, но Дранча она простить не могла. Как и предательство Дэйна, который, как она позже узнала, женился на Бьянке Де Арофф – через месяц после того, как поезд увез Уиллу в столицу. В слухи о том, что Дэйн встречался одновременно с двумя девушками – с ней и с Бьянкой, Уилла решила не верить. Ради сердечного спокойствия.

Расплата за ту небольшую магию явилась в виде Манаакана, который стал регулярно навещать ее в кошмарах, требуя присягнуть ему на верность. Уиллу пробирал холод от одной мысли, что она должна сделать. Многие ведьмы в гимназии мечтали о шабашах, которые тайно устраивались по всей Маридонии служителями разных демонических культов. С ними королевские надзиратели тоже боролись, но не так успешно, как с ведьмами.

А потом Уилла вдруг поняла, что те способы, какими она успокаивала черную магию, помогали и с Манааканом. Его голос становился все тише и глуше, пока однажды совсем не затих. Уилла с трудом нашла равновесие, но знала, что стоит ей оступиться, и хрупкий баланс нарушится. Темный повелитель снова появится в ее жизни – и на этот раз так легко ее не оставит.

– Если ты передумал извиняться, то проваливай, – Уилла подошла к окну и распахнула створки, впустив холодный воздух со снегом.

– Да я же сто раз извинился! – возмутился Дранч. – О, Уилли, не будь жестокой, мне без тебя так тоскливо было, я даже пару лет в могиле полежал, но стало еще хуже.

– Что же из города не ушел? – хмыкнула Уилла и закрыла окно, решив, что прогнать Дранча ей все равно не удастся. – В соседнем Харборе, говорят, много ведьм. Может, кто-нибудь тебя и развлек бы.

– Темный проклял, – вздохнул Дранч. – Сказал тебя ждать. Мол, пока не приведу к нему Уиллу Бендиар никуда из Клестера уйти не смогу. Да только, смотрю, ты все та же. Занимаешься мазохизмом с крысами, лишь бы не замечать свои огромные таланты.

– Так тебе и надо, будешь в Клестере до конца своих дней гнить, – сердито сказала Уилла. – Я спать пошла.

– Ладно, мне тоже пора, – вздохнул Дранч. – Но я буду тебя навещать, ты как хочешь. Вдруг передумаешь. Мне без тебя очень плохо было. Завтра в приюте увидимся.

– Ага, уже про приют пронюхал, – мрачно обронила Уилла, устраиваясь на мягком матрасе. А хозяйка молодец, даже белье свежее постелила.

– Да все знают, зачем ты в Клестер явилась. Ну, это я про наших. Ты с мертвыми детками поговорить хочешь, да? С теми, что из приюта? Они бедные никак отойти не могут. И не разговаривают, как я не пытался.

Уилла не сомневалась, что умершие дети стали призраками. Такое с убитыми случалось часто, а с теми, кто претерпел мученическую смерть – почти всегда. Нет, она не собиралась с ними разговаривать, по крайней мере, надеялась, что обойдется без этого. Подобный опыт – всегда травма, и Уилла хотела бы ее избежать.

– Посмотрим, – буркнула она Дранчу. – Если остаешься, охраняй меня от кошмаров.

Прямо как в старые добрые времена, когда Дран был просто странным другом, причем единственным. Но вернуться в прошлое – это не про Уиллу, таких талантов у нее не было.

Девушка запоздало вспомнила, что хотела принять ванну, и что стынет целая кадка горячей воды, но усталость вдруг накатила снежным комом – придавила, мягко укутала и, в конце концов, усыпила. Она так и не поняла, остался Дранч или исчез в метели.

Как бы там ни было, кошмары ее в ту ночь не мучили. Уилле не приснился Манаакан, но темную тень во сне она видела. Черный силуэт вряд ли принадлежал Повелителю темноликих. Манаакан любил крупные, величавые образы, эту же тень можно было назвать даже тщедушной. Она пряталась среди снов Уиллы, но девушка сразу почувствовала, что к ней вторгся чужак. Дранч так не умел, а другие нечистые, обитавшие в Клестере, не посмели бы тревожить темноликую. Если не Манаакан, то кто?

Под утро тень осмелела и, выбравшись из закоулков ее сновидений, принялась напевать тоскливую, щемящую мелодию, напоминающую плач. А еще Уилле показалось, что ее звали и просили о помощи, но был ли то один из погибших детей или кто другой, осталось для нее загадкой.

Глава 5

Детский городской приют Святого Кавы находился на окраине города в окружении хвойного парка и занимал дворец одного из основателей Клестера, который пожертвовал свое поместье сиротам. Изящное строение со множеством красивых башенок и величественным донжонном с огромным куполом, внутри которого находилась обзорная площадка с видом на город, поражало воображение каждого, и можно было подумать, что детям-сиротам, которые воспитывались в этом приюте, хоть где-то повезло в жизни. По крайней мере, Уилла на это надеялась. Она не думала о приюте, когда жила в Клестере, и вспомнила о нем лишь тогда, когда прочитала о загадочных смертях сирот в столичной газете.

Перед приездом Уилла тщательно собрала о приюте все слухи, какие смогла.

До того как Чода стала директором, творилось тут всякое. Дети часто сбежали из приюта, и газеты, охотившиеся за подобными историями, в подробностях описывали избиение и насилие со стороны воспитателей, о которых рассказывали сбежавшие сироты. Впрочем, детей возвращали обратно, а полиция заставляла газеты писать в следующих номерах опровержение – мол, все это выдумки, никаких следов побоев не обнаружено.

Такие истории резко прекратились, когда директором приюта стала Чода Скобесски – со связями и деньгами. Весь предыдущий штат прислуги и воспитателей она уволила, набрав своих людей. Судя по газетам, дети из приюта Святого Кавы стали участвовать в школьных конкурсах и соревнованиях по всей стране и даже выигрывать. Показатели по учебе у них выросли, да и побегі прекратились. Все указывало на то, что приют попал в хорошие руки, но тут случилось первое убийство.

Шестилетнюю девочку нашли мертвой в своей кровати, причем спала она в общей палате. Ее тельце было скрючено, будто перед смертью ее терзали страшные судороги. Лицо искажено криком – она так и умерла с маской страданий на лице и с открытым, кричащим ртом. Рядом спали другие дети, которые клялись, что ночью ничего не слышали. Дежурная нянечка, которая в ту ночь находилась вместе с детьми в той же палате, утверждала, что сиротки спали, как ангелочки, тихо и блаженно, а сон у нее чуткий.

У мертвой девочки не нашли никаких повреждений на теле. Потом провели вскрытие, но ничего нового не обнаружили – ребенок умер от внезапной остановки сердца.

Через месяц трагедия повторилась. На этот раз скончался подросток, который жил в отдельной комнате. Многие старшие ребята за хорошее поведение получали такую привилегию, потому что замок был большой, и недостатка в помещениях не было. Тогда и поползли слухи. Одни – про загадочную болезнь, другие – про темные силы, которые наслал на приют бывший директор. По слухам, Чода обошлась с ним грубо, и он проклял и ее, и сам приют. И так двенадцать раз подряд – по ребенку в месяц.

Когда Уилла подъезжала к приюту рано утром, она знала, что то, чего ждали, случилось. Шел декабрь, и в этом месяце жертв еще не было. До этого дня. В честь Нового года елки и кедры в парке вокруг приюта были украшены бумажными фонариками и флажками, изготовленными детьми. На фоне этих веселых украшений карета скорой помощи и черный дилижанс городского морга смотрелись удручающе. На крыльце парадного входа плакала семейная пара, их утешала сама Чода.

Гораздо позже, когда уехали городские службы и полицейские, и Чода сумела принять Уиллу, она рассказала, что мальчика восьми лет должны были сегодня усыновить. Утром его нашли мертвым в общей палате с теми же симптомами, что и у других жертв – искаженное страхом лицо, скрюченное судорогами тело. Мальчишка, спавший в соседней койке, первым увидел сбитые простыни и вытянутые к потолку и уже застывшие неестественно согнутые руки

несчастливого. Он же и заголосил, сразу всех разбудив. Ночью же никто ничего не слышал и не видел – ни нянечки, которые ночевали в детских палатах уже по двое, ни другие дети.

– Это он, Он! – на втором слове Чода Скобесски повысила голос и сжала виски пальцами, будто страдая от головной боли. У Уиллы голова болела уже вторые сутки, и она с сочувствием взглянула на подругу. Они сидели в кабинете директора на предпоследнем этаже донжона, откуда открывался вид на парк и часть города с жилыми домами. К утру распогодилось, выглянуло тусклое зимнее солнце, ударил мороз.

Кабинет директора был украшен нарядными гирляндами, а на столе красовалась симпатичная елочка. В вазочке на окне возвышалась горка мандаринов, которые постоянно притягивали взгляд Уиллы своим сочным цветом и ароматом. В Маридонии, северной стране, такие фрукты были роскошью и стоили дорого. И все же каждый королевский подданный старался достать к празднику хотя бы один мандарин, чтобы положить под елку – на счастье.

Чода не предложила Уилле сесть, но вовсе не из-за какого-то там отношения, а потому что голова у нее с утра была задурена. Уилла не обиделась и, подойдя к окну, принялась разглядывать кусочек двора с аллеей, уходящей в парк. На одной из скамеек она заприметила фигуру, которая показалась знакомой. Человек держал в руках миску с печеньем, уплетая сладкие запеченные кусочки теста. Уилла подумала, что издали он очень похож на Мальвара, а так как время завтрака давно прошло, у мужа Чоды явно имелось психическое расстройство, связанное с едой. Интересно, что располневшим он не был, просто слегка в теле.

– Прости, что ты сказала? – переспросила Уилла, отвернувшись от окна.

– Это Салтанэй, – шепотом повторила Чода. – Он забрал бедного Карла. Ты видела людей на крыльце? Прелестная семейная пара из Харбора специально приехала к нам, чтобы усыновить малыша. Он доктор, она врач. У Карла должно было быть прекрасное будущее. Сейчас они бы все вместе уезжали обратно домой. Я уверена, что это дело рук Салтанэя. И ты знаешь, что я думаю? Вполне может так быть, что никакого недруга или злого колдуна, который специально натравливал бы его на нас, нет. Манаакан – он же абсолютное зло, сам по себе, ему только в радость загубить бедную душу.

И Салтанэй, и Манаакан были именами одного и того же существа. Лично Уилла звала его вторым именем, хотя их у него было бесчисленное множество. Нет, она не верила, что Манаакану есть дело до приюта Святого Кавы. Смерть детей была кошмарна, но сам Манаакан связываться не стал бы – слишком для него мелко. А вот его демоны рангом помладше – вполне.

Пока Чода готовилась ее принять, Уилла походила по приюту, стараясь не сильно попадаться на глаза персоналу. Всех детей увезли в церковь, как обычно делали, когда происходила трагедия. Первое, что бросилось в глаза Уилле, так это малое количество людей, работающих в приюте.

Несколько подростков во главе с грустной девушкой постарше тоскливо терли тряпкой пол в главном вестибюле. Девушка украдкой вытирала покрасневшие глаза. Похоже, она искренне переживала смерть мальчика. В одной из комнат рядом с кухней спорили несколько человек. Кажется, речь шла об увольнении. Старик и пожилая дама трясли бумажками, а лысеющий мужчина средних лет качал головой, будто отказывался их принимать.

Заглянув на кухню, Уилла увидела белобрысого парня лет семнадцати, который добродушно ей улыбнулся, что-то помешивая в огромной кастрюле на плите. Кухня большая, утвари много, а поваренок, судя по всему, один. Да, плохи дела, раз прислуга бежит из приюта, несмотря на хорошую зарплату, если верить словам Чоды.

Пройдясь по всем доступным местам и тщательно прислушавшись к интуиции, Уилла заключила, что черную магию в приюте она не чувствует. Ей бы, конечно, воспользоваться темным даром, но прибегнуть к нему она не могла по двум причинам – во-первых, боялась Манаакана, а во-вторых, не знала, как обращаться с даром. Одно вытекало из другого. Чтобы

колдовать, требовались знания бабки Саргул, но, чтобы обучаться у нее, следовало присягнуть Манаакану на верность.

Однако кое-что Уилла все-таки умела, не прибегая к глубоким познаниям. Врожденные способности позволяли ей чувствовать след темных, равно как видеть мертвых и разговаривать с ними. Пока Уилла надеялась обойтись только этими талантами.

В спальную палату, где сегодня нашли мертвого мальчика, девушка заглядывать не стала. Полиция обмотала дверь своими яркими лентами, и Уилла решила следствию не мешать. Ей хватило постоять в коридоре. Она и так уже знала, что никто из нечисти в палату не заходил. Если и случилось вмешательство темных сил, то только по заклинанию, сотворенному на расстоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.